КЛАССИКА В ШКОЛЕ
Э.Т.А.Гофман
Щелкунчик
и Мышиный король

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Щелкунчик и Мышиный Король (сборник)

Серия «Классика в школе»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2360125
Щелкунчик и Мышиный Король: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-49843-7

Аннотация

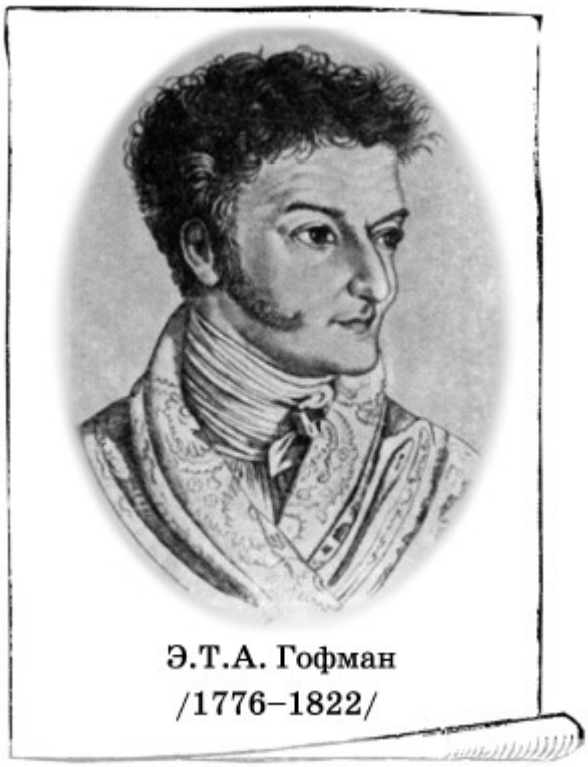
Перед Вами книга из серии «Классика в школе», в которую собраны все произведения, изучаемые в начальной и средней школе. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков.

В книгу вошли три сказки Э.Т.А. Гофмана в пересказе Л. Яхнина, изучаемые в средней школе.

Содержание

Щелкунчик 5
Сказка о крепком орехе 9
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Эрнст Теодор Амадей Гофман
Щелкунчик и Мышиный Король



Эрнст Теодор Вильгельм Амадей Гофман – немецкий писатель, композитор, художник, представитель литературного направления «романтизм».

Родился Гофман в Кенигсберге в Германии. Маленький Эрнст сформировался как личность под влиянием своего дяди, человека умного и талантливого, склонного к фантастике и мистике. У Гофмана рано проявились замечательные способности к музыке и рисованию. Однако под влиянием своего дяди, который был юристом, он также занялся юриспруденцией, хотя всю жизнь потом пытался оставить эту профессию и жить на заработки от своего творчества.

Фантазия Гофмана вырывалась за рамки будничной жизни и рисовала перед ним яркие и удивительные образы, которыми наполнены все его произведения. В его сказках причудливо переплетаются чудеса из легенд и народных сказок с его личным вымыслом, то мрачным, то веселым и насмешливым. При жизни Гофман не был по достоинству оценен у себя на родине. Но в других странах Европы и в Северной Америке нашлось много почитателей его яркого таланта. В России тоже полюбили немецкого романтика и его произведения. Ф.М. Достоевский перечитал всего Гофмана по-русски и на языке оригинала. А В.Г. Белинский назвал его «одним из величайших немецких поэтов, живописцем внутреннего мира».

Щелкунчик

Шу-шу! Шур-шур! – таинственно доносилось из соседней комнаты. Фриц и Мари сидели в полутемной спальне и прислушивались. Накануне Рождества их крестный Дроссельмейер мастерил для них какой-то особый подарок.

– Тук-тук! Бам-бам! – разносилось по дому.

Ох уж этот крестный Дроссельмейер! Странный он человек. Даже человечек. Маленького роста, сухонький, морщинки на лице сеточкой. На лысой, как блестящий шар, голове пудреный парик. А вместо правого глаза – черная, но совсем не страшная повязка. И этот некрасивый маленький человечек был большим искусником. Каждый раз дарил он детям необыкновенную игрушку. То крохотного кавалера-шаркуна с выпученными глазами, то коробочку-сюрприз, из которой с звоном выскакивает серебряная птичка. Интересно, что на этот раз мастерит, скинув желтый сюртучок и надев голубой передник, их затейник крестный?

Стемнело. Дети, прижавшись друг к другу, прислушивались к звукам из гостиной. А там! Там в этот момент родители расставляют на отдельном столике под елкой множество чудесных подарков. Сейчас, сейчас распахнутся двери, и…

– Динь-динь-дилинь! – пролепетал серебряный колокольчик. Можно! Фриц и Мари сорвались с места и кинулись в гостиную. Ах! Посреди комнаты, окутанная сияющей музыкой света, высилась великолепная елка. Пушистые ветки увешаны золотыми и серебряными яблоками, гроздьями обсахаренных орешков, конфет, облитых разноцветной глазурью пряников. В зеленой тьме хвои, как звездочки в ночном небе, мерцали и переливались, озаряя комнату, сотни маленьких свечек. Но самое главное – рождественские подарки!

Нарядные куклы с фарфоровыми личиками и горка игрушечной посуды для восхищенной Мари. А праздничное шелковое платье, в оборках и цветных лентах! И ей наверняка непременно позволят надеть его! Фриц тем временем верхом на гнедом деревянном коне галопом объезжал стол, на котором застыл в ожидании полководца эскадрон гусар, в великолепных, шитых золотом красных мундирах, с серебряными сабельками наголо.

Дети не знали, за что хвататься: то ли играть с куклами и барабанщиками, то ли листать чудесные книжки с разноцветными, будто живыми картинками. Но тут снова зазвонил колокольчик. Настал черед подарка крестного Дроссельмейера. Раздвинулась маленькая ширма, и на покрытом зеленым сукном столике, как на лужайке, вырос перед детьми замок. Заиграла музыка. Распахнулись зеркальные окошки, зажегся свет в золотых башенках. И тут все увидели, что по залам замка парами гуляют крошечные кавалеры в белых чулках и камзолах и дамы в шляпах с перьями и платьях со шлейфами. В малюсеньких, с наперсток, серебряных люстрах сияют спиченки свечек, и под музыку пляшут и прыгают дети в разноцветных курточках и панталончиках. А из окна выглядывает господин в изумрудно-зеленом плаще и приветливо кланяется Фрицу и Мари. Крестный Дроссельмейер! Конечно же, он. Только с мизинец ростом.

– Крестный, пусти нас к себе в замок! – вскричал Фриц.

Но изумрудно-зеленый человечек ничего не ответил, а спрятался в окне. Впрочем, тут же показался снова и приветливо поклонился. И опять исчез. И вновь появился. И дамы с кавалерами прохаживались все так же кругами. И дети в замке топали ножками, как заведенные.

– Ну, – протянул Фриц, – это скучно! – И он занялся своими солдатиками.

А Мари вдруг присела на корточки перед елкой. Она увидела странного человечка, скромно стоявшего под разлапистой пушистой веткой. Не очень-то складный был этот деревянный человечек. Чересчур громоздкое туловище на тонких ножках и великоватая голова с

тяжелой челюстью. Но зато одет человечек был вполне пристойно и даже щегольски. Фиолетовый гусарский мундир, весь в пуговичках, опушках и позументах, узкие рейтузы и сапоги со шпорами. Все сидело на нем так ловко, будто было нарисовано. Из-под круглой плоской шапочки выпрастывались белые букли нитяного парика, а завитки шерстяных ниток – щеголеватые усики над алой губой – не скрывали добродушной улыбки, сверкавшей жемчужным рядом ровных, крепких зубов. Мари тут же полюбила человечка, который приветливо и дружелюбно поглядывал на нее.

– А этот милый человечек для кого? – воскликнула Мари.

– Для всех, – ответил отец. – Это Щелкунчик. Он, как и все его предки, отлично умеет разгрызать орехи.

Мари тут же схватила горсть орешков, и Щелкунчик, продолжая приветливо улыбаться, колол их своими крепкими зубами. Фриц на минуту оставил свой оловянный эскадрон и тоже сунул в рот Щелкунчику орех. Но выбрал при этом самый большой и твердый. «Крак!..» – обломились три зуба у бедного Щелкунчика, а тяжелая челюсть беспомощно отвисла.

– Фу, глупый Щелкунчик! – вскричал Фриц. – То ли дело мои драгуны! Им никакое самое крепкое ядро не страшно!

И он снова вернулся к своим солдатикам. А Мари, вся в слезах, прижала к груди раненого Щелкунчика, подвязала ему больную челюсть белой ленточкой и заботливо укутала платком.

– Щелкунчик, миленький, – шептала она, – не сердись на Фрица. Он добрый. Просто немного огрубел со своими оловянными солдатиками. А я буду тебя беречь и лечить. – И Мари нежно баюкала Щелкунчика.

А ночь, таинственная Рождественская ночь, уже подкрадывалась к дому, затягивала окна синим сумраком. Пора было складывать игрушки. В гостиной налево от двери стоял высокий стеклянный шкаф. На верхней полке, до которой детям было не дотянуться, расположились чудесные изделия крестного Дроссельмейера. Ниже рядком теснились книжки в лаковых переплетах. На самой нижней полке Мари устраивала кукольную комнату, где жила любимая кукла Трудхен, а теперь и новая нарядная Клерхен. Фриц занял полку повыше и расставил строем своих конных и пеших солдат с барабанщиками, трубачами и знаменосцами.

Мари и не заметила, как осталась одна в комнате. Она поставила Щелкунчика на полку и уже собиралась идти в спальню, как вдруг отовсюду – из-за шкафа и стульев, из-под стола и из-за кафельной печи, из каждого темного угла – о-ох! – стали разлетаться, подкрадываться тихие-тихие шорохи, шепоты, шуршание и шебуршение. А настенные часы с маятником захрипели, засипели, готовясь пробить полночь.

– Ти-ик! Та-ак! – Медленно, с трудом, словно полусонный, качался маятник.

И тут Мари явственно различила хриплый голос:

Тише! Тише! Слышишь? Слышишь?
Из угла ночной гостиной
К нам ползет король мышиный…
И часов старинных бой
Нас зовет на смертный бой…

– Бом-м! Бом-м!.. – двенадцать раз ударили в тишину часы. И тут же за стеной, по углам, под полом послышались писк, возня и дробный топоток тысячи крохотных лапок. Острыми огоньками засветились тысячи глазок-буравчиков. И отовсюду стали сбегаться несметные полчища мышей. Они выстроились в боевом порядке прямо перед Мари и

замерли. И треснул, приподнялся пол посреди гостиной, разбрызгивая звонкие янтарные половицы. Из-под пола с отвратительным шипением вылезли семь мышиных голов в сверкающих коронах, а следом и толстое тельце, на котором и покачивались все семь гадких мышиных головок. Под предводительством своего семиголового предводителя все мышиное войско стало надвигаться на Мари, прижавшуюся к шкафу.

Что-то будет?

Но тут – дзынь! – разбилась стеклянная дверца шкафа, и зазвенел храбрый голосок:

– Вперед! За мной! На бой! На бой! Вперед на горе мышиной своре!

Тут Мари увидела, что внутренность шкафа осветилась. Во весь свой рост поднялся раненый Щелкунчик и взмахнул серебряной саблей. И встали с ним плечо к плечу три храбрых паяца, четыре трубочиста, два трубача, барабанщик и Панталоне со знаменем. Безрассудно-смелым прыжком перелетел Щелкунчик на пол. Мягко шлепнулись следом за ним бархатные паяцы и туго набитые опилками музыканты с трубочистами. Спорхнул с развевающимся, как крылья бабочки, знаменем Панталоне.

– Эй, барабанщик! Бей тревогу! Зови подмогу! – звонко скомандовал Щелкунчик.

Грянула барабанная дробь. Разом распахнулись обе дверцы шкафа. Загремели сапоги, забряцали сабли, заржали лошадки, и ровными шеренгами выступили солдатики Фрица. Кирасиры сверкали своими доспехами. Драгуны гарцевали, сидя в высоких седлах. Блестящие гусары лихо пришпоривали коней. А за кавалерией катили пушки усачи пушкари. Один за другим промаршировали полки перед Щелкунчиком с развевающимися знаменами и барабанным боем.

– Труби атаку, трубачи! За мной, солдаты-силачи! – прогремел Щелкунчик.

И – бух-бах-тарарах! – грохнули пушки. Полетела в мышей россыпь сахарного драже. Бум-бум-турум-бум! – ухнули тяжелые орудия, посылая на мышиные полчища круглые пряничные бомбочки. Немало мышей полегло под градом снарядов. Сахарная пыль, словно белый дым, заслонила сражающихся, и Мари с трудом различала, что происходит. Но видела она, как все новые и новые толпы мышей выползают изо всех щелей и норок. А в ушах у нее стоял непрерывный грохот боя. Др-дрр! – скакали по полу сахарные шарики драже. Плямс! – шлепались, рассыпаясь на кусочки, глазуревые пряники. Цвинь-цвинь! – звенели сабли. У-виии! И-ии! – пищали мыши. И надо всем гремел голос полководца Щелкунчика:

– Смелей! Бей! Не жалей!

Пушкари установили свои пушки на скамеечке для ног и палили с высоты, опустошая ряды мышей. Но те все напирали и напирали. И вот перевернулась скамеечка, покатились по полу пушки. Мышиные полчища потеснили гусар, кирасиров и драгун. Рассеянная по комнате кавалерия спешно утекала в спасительный шкаф, оголяя правый фланг. Щелкунчик в растерянности огляделся. Нет, левый фланг его армии держался! Там сражались крохотные куколки-сюрпризы, вышедшие из шоколадных бомбочек. Кого только не было в этих пестрых рядах! Садовники и тирольцы. Тунгусы и парикмахеры. Мартышки и обезьяны. Арлекины и купидоны. Львы и тигры. Под предводительством двух китайских императоров они сдерживали натиск мышиной армии, медленно отступая к нижней полке шкафа. Щелкунчик храбро врезался в мышиные ряды.

– Тревога! Тревога! Где ты, подмога? – в отчаянии призывал он.

На его зов из шкафа выскочили лишь несколько коричневых пряничных человечков в золотых шляпах. Но они были такими неумелыми бойцами, что тут же попали в окружение мышей. Одному отгрызли ногу, другого помяли, с третьего сбили шляпу. Большая опасность грозила смелому Щелкунчику, который даже не мог вспрыгнуть на нижнюю полку шкафа. Слишком уж коротки были его ножки, чересчур неповоротливо деревянное туловище. Ему бы сейчас коня!

– О мой бедный Щелкунчик! – вскричала Мари. Она стащила с левой ноги туфельку и с размаху швырнула ее в самую гущу мышей, целясь в противного семиголового короля.

И все в тот же миг исчезло! Голова у Мари закружилась, и она без чувств осела на пол…

Очнулась Мари в своей постели. Сквозь занавеску светило яркое солнце.

– Наконец-то! – прошептала мама, в тревоге глядевшая на дочь.

– Скажи, милая мамочка, – слабым голосом спросила Мари, – Щелкунчик спасен? А противные мыши? Они убрались отсюда вместе со своим семиголовым королем?

Мама погладила Мари по головке и ласковым голосом успокоила:

– Не бойся, детка. Щелкунчик стоит в шкафу целый и невредимый. Тебе все померещилось.

Несколько дней лежала Мари в кровати и глотала горькие таблетки. Но вот она поднялась и первым делом кинулась в гостиную к шкафу с игрушками. Щелкунчика там не было! Мари в растерянности стояла перед стеклянными дверцами шкафа, не смея поверить своим глазам, как вдруг позади нее кто-то произнес скрипучим голосом:

Ходит маятник упруго,
Стрелки бегают по кругу.
Тьму с собой приводит ночь,
День ее прогонит прочь.

Перед нею стоял крестный Дроссельмейер.

– Не сердись, Мари, что я не прогнал мышиного короля, не растоптал полчища злых мышей. Не поспел. Зато… Гляди!

И он вынул из кармана Щелкунчика! Искусной рукой крестный Дроссельмейер починил сломанную челюсть деревянного человечка и снова вставил три потерянных зуба.

– А где его сабля? – спросил вбежавший в комнату Фриц.

– Я вылечил Щелкунчика, – проворчал крестный. – А уж саблю пусть сам добывает в бою. Так же, как сумел расколоть орех Кракатук!

– Какой орех? – насторожилась Мари. – Расскажи, сейчас же расскажи, крестный.

– Хорошо, – сказал крестный Дроссельмейер, усаживаясь поудобнее, – слушайте.

И вот какую сказку поведал он Фрицу и Мари.

Сказка о крепком орехе

У короля и королевы родилась дочь – малютка Пирлипат. Никогда еще мир не видел такой прекрасной принцессы. Она вся была словно бы соткана из лилейно-розового шелка, глазки – лазурнее чистого неба, а кудри отливали золотом раннего восхода. Росла малютка принцесса в холе и неге. Все обожали Пирлипат и с каждым днем обнаруживали в ней тонкую душу, доброе сердце и ясный ум.

Однажды король решил задать небывалый Колбасный пир.

– Дорогая, – молвил он королеве, – ты, надеюсь, знаешь, какая колбаса мне по вкусу? Позаботься. – И глазки его масляно загорелись.

И вот съехались ко двору короли да принцы из окрестных столиц. Королева повязала шитый серебром и золотом кухонный передник и самолично занялась приготовлением особой – королевской свиной – колбасы. Первым делом нарезали ломтиками розовое сало и стали поджаривать, подрумянивать его на золотой сковородке.

И вдруг из подпола послышался тоненький голосок:

– Дай и мне сальца, сестрица! Я тоже не прочь подкрепиться.

Королева сразу узнала противный голос Мышильды, королевы мышей. Та давно уже обитала во дворце и даже обосновала в одной из кладовок столицу своей страны Мышляндии. В другой день королева и не подумала бы подкармливать нахальную Мышильду, но сегодня торжество – знатный пир, и она кинула Мышильде кусочек сальца. Не успела королева и ахнуть, как налетели мышиные сыновья и племянники, облепили кухонный стол и вмиг расхватали все сало. Но поздно было поджаривать новую порцию. Пришлось приготовить свиную колбасу без единого кусочка сала.

И грянул пир! Тру-ру-ру! – загудели трубы. Дум-дум-дум-м! – загремели литавры, созывая гостей. Король первым испробовал еще теплую, источающую чудесный запах свиную колбасу. Он положил на язык розовый ломтик, закатил глаза в предвкушении удовольствия и вдруг ахнул, откинулся на троне и горько зарыдал. Неужто заболел? Умирает? Послали за Придворным Лекарем. Но король слабо махнул рукой, открыл глаза и скорбно простонал:

– В колбасе нет сала!

Пришлось королеве во всем признаться. Вознегодовал король и призвал Придворного Чародея и чудодея Христиана-Элиаса Дроссельмейера, приказав ему срочно изгнать из дворца Мышильду и все ее прожорливое семейство. Недолго думал чародей. Он смастерил сотню хитрых машинок-ловушек с привязанными внутри кусочками жареного, пахучего сала. На эту хитрость попались многие сыновья и кумовья, дяди и племянники мерзкой Мышильды. И тогда поклялась мышиная королева отомстить.

Прошло время. Как-то вечером нянюшка задремала у колыбельки малютки Пирлипат. Вдруг сквозь дрему услышала она странный шорох. Открыла глаза и ахнула. Громадная мышь стояла на своих тонких паучьих ножках и тянулась усатой мордой к спящей принцессе. В ужасе завизжала нянюшка. Мышильда, а это, конечно же, была она, юркнула в темный угол и пропала. На шум прибежали король и королева. Глянули они в колыбельку и обмерли. Вместо прекрасной малютки принцессы там лежала жалкая уродина. На сморщенном сером тельце еле держалась большущая сплющенная голова с выпученными глазищами и растянутым до ушей безобразным ртом.

И снова призвал король Придворного Чародея и чудодея Христиана-Элиаса Дроссельмейера и повелел ему вернуть принцессе былую красоту. Чародей, не теряя ни минуты, отправился к Придворному Звездочету. Тот поглядел на звезды, полистал старинные книги и составил звездный гороскоп принцессы Пирлипат. И открылось, что спасет принцессу неве-

домый орех Кракатук. Стоит его расколоть и дать ядрышко малютке, как она снова станет прекрасной. Только скорлупа того ореха такая твердая, что и под тяжеленным молотом кузнеца он не расколется. Но есть где-то на свете юноша, который в силах разгрызть орех. Его-то и отправились искать чудодей Дроссельмейер и Звездочет.

Пятнадцать лет странствовали они по свету и, наконец, пришли в город Нюрнберг. Жил в том городе игрушечный мастер, лакировщик и позолотщик Кристоф-Захариус Дроссельмейер, двоюродный брат нашего чародея. Послушал он печальную историю малютки Пирлипат и покачал головой:

– Вот так штука!

А потом призадумался и воскликнул:

– Есть орех Кракатук! Слушайте. Как-то раз мимо моей мастерской проходил сборщик орехов. Мешок его прохудился, и на землю высыпалась горка отборных орехов. В этот момент проезжала тяжело груженная телега. Проехалась она колесами по орехам и все передавила. Но стоило ей наткнуться на один откатившийся в сторону орешек, как громко кракнуло колесо, телега перевернулась. А орешек тот лежал себе на земле невредимый. Я подобрал его. И недаром. Приходил ко мне некий чужеземец, предлагавший много золота за один тот странный орешек. Не продал я его и теперь не жалею.

Радости путешественников не было границ. Но чародей и чудодей Дроссельмейер вдруг пригорюнился.

– Орех Кракатук есть, но где отыскать того юношу, что в силах его разгрызть? Неужто нам блуждать по свету еще пятнадцать лет?

И снова воскликнул игрушечный мастер:

– Есть такой юноша! Мой племянник. Зубы у него первейшей крепости!

– Ну, это не трудно проверить, – сказал Звездочет и принялся составлять гороскоп крепкозубого племянника.

Все звезды и планеты сошлись, как положено, и решили призвать юношу. Явился писаный красавец в красном, шитом золотом кафтане, при шпаге, с косичкой на затылке и со шляпой в руке. А шляпа была полна крупных орехов. Юноша щелкал их с такой легкостью, что странное прозвище его – Красавчик Щелкунчик – было как нельзя кстати.

И вот Дроссельмейер и Звездочет вместе с юношей Щелкунчиком прибыли в столицу своего королевства. Прослышали о крепком орешке окрестные принцы и собрались попытать счастья, да только зубы обломали.

– Не по зубам орешек! – шепелявили неудачники.

Но вот взял орех Кракатук юноша Щелкунчик, вежливо поклонился королю и королеве, улыбнулся уродине Пирлипат, дернул себя за косичку и – крак! – разгрыз небывалый орех. Поднес он ядрышко принцессе, та съела его и тут же на глазах у изумленного народа обернулась прежней прекрасной Пирлипат.

Громом грянули литавры и трубы. Потрясли стены дворца ликующие крики народа. На шум выскочила из щели испуганная Мышильда. Тут-то и случилось непоправимое. Юноша Щелкунчик оступился и наступил на юркнувшую под ноги мышь. И так же, как только что легко кракнул в его зубах орех, расплющилась под его ногой Мышильда. И раздался ее предсмертный писк:

Ах, тяжко мне под каблуком!
Прощай, мой сын, прощай, мой дом!
Увы, на смерть осуждена!
Но буду я отомщена!

И – о ужас! – прекрасный юноша в тот же миг превратился в крохотного уродца на тонких ножках. Нижняя челюсть отяжелела, и рот, усеянный длинным рядом зубов, растянулся до ушей. А туловище словно бы одеревенело.

Глянула на него прекрасная принцесса Пирлипат и вскричала с отвращением:

– Убирайся вон, противный Щелкунчик!

С тех пор никто его не видел. Правда, добрый чародей Дроссельмейер уговорил Звездочета вызнать у планет судьбу несчастного Щелкунчика. И тот предсказал, что Щелкунчик вернет себе былую красоту и статность, когда победит семиголового сына Мышильды, срубит его головы собственной рукой. И никто другой не сможет развеять злые чары.

Этими словами закончил крестный Дроссельмейер свой грустный рассказ.

Теперь-то Мари догадалась, почему ее крестный не пришел на помощь Щелкунчику в битве с мышами. Но что же сам Щелкунчик? Мари подбежала к шкафу. За стеклянными дверцами неподвижно стояли куклы, сахарные человечки, солдатики. И Щелкунчик не шевельнулся, не откликнулся, как ни звала его Мари. Но то ли проехала по мощеной улице карета, то ли протопал в тяжелых сапогах важный майор, вдруг задребезжали тонкими колокольчиками стекла шкафа, и, словно бы издалека, донеслись до Мари слова:

– Мари, не печалься. Осилю беду и принцем желанным к тебе я приду…

Мурашки пробежали по спине Мари, и было так приятно, будто ее погладили по головке. Она смутилась и убежала. Вечером Мари сидела на коленях у крестного Дроссельмейера и рассказывала ему о битве с мышами, о храбрости Щелкунчика. Мама, слушая ее, улыбалась, а крестный был очень серьезен.

– Милая Мари, – сказал он, – ты видишь больше, чем все мы, взрослые. Береги в себе это светлое царство, верь, и станешь такой же прекрасной принцессой, как Пирлипат. Но не прогоняй Щелкунчика, а защити этого несчастного уродца от мерзкого мышиного короля. Только ты и можешь спасти Щелкунчика. Будь стойкой и преданной.

Надолго запомнила странные речи крестного маленькая Мари. И вот однажды лунной ночью девочка проснулась от непонятного дробного стука, будто кто-то высыпал из горсти на пол горошины. Она услышала мелкий топоток и противное попискивание. Мыши! Опять мыши! Мари онемела от страха. И вдруг на столик рядом с ее кроваткой вскочил мышиный король, сверкая острыми, жадными зубками, крохотными горошинами глаз и всеми семью золотыми коронами.

– Хи-хи-хи! – пропищал он. – Ты в моей власти! Отдай свои сласти!

Задрожала от страха Мари, но не смогла и пошевелиться. А мышиный король с мерзким тоненьким смехом исчез в щели между полом и стеной. Наутро мама с удивлением обнаружила, что оборваны с елки конфеты и пряники, обгрызены острыми зубками.

– Неужто у нас завелись мыши? – ахнула мама. Но Мари ничего не сказала о мышином короле.

Она втихомолку радовалась, что Щелкунчик остался цел и невредим. Вечером со слезами на глазах Мари вынула из шкафа своих сахарных куколок – пастушка с пастушкой, белоснежных барашков, белую собачонку, девушек в праздничных белых платьях на качелях. Пусть уж мерзкий мышиный король насытится сахарными человечками, лишь бы не трогал Щелкунчика.

– Благородный господин Щелкунчик, – шептала она, – я не дам вас в обиду.

И вдруг в ответ раздался тихий голосок Щелкунчика:

– Острую саблю прошу! Ею врага сокрушу!

Мари растерялась. Но тут на помощь пришел Фриц. Он как раз отправил в отставку старого кирасирского полковника. И у Щелкунчика появилась отличная серебряная сабелька.

А в полночь снова послышалось поскребывание и писк.

– Мышиный король! – вскрикнула Мари, проснувшись.

Шкаф затрясся, закачался, а потом из-за стеклянной дверцы шкафа долетел тонкий голосок:

– Пощады нет тебе! Умри! – И следом – победный возглас: – Откройте дверь, мадемуазель Мари!

Мари со свечкой подбежала к шкафу и распахнула дверцу. Пред ней предстал Щелкунчик. На его серебряную сабельку были нанизаны все семь золотых корон мышиного короля. А Щелкунчик преклонил колено и провозгласил:

– Прошу с поклоном позволенья вас пригласить в мои владенья.

Он подал руку Мари, и они ступили на порожек платяного шкафа. Щелкунчик дернул за рукав отцовской лисьей шубы, мохнатой и пушистой, как рождественская елка, и оттуда тотчас опустилась легкая кедровая лесенка. Спустя мгновение Мари очутилась на лугу, сверкающем разноцветными каменьями.

– Это Леденцовый луг, – пояснил Щелкунчик и направился к высоким воротам, сделанным, казалось, из коричневого мрамора с белыми прожилками. Мари с удивлением обнаружила, что это вовсе и не мрамор, а вкрапленные в пряник изюм и миндаль. Сказочные ворота так и назывались – Изюмно-Миндальными. На блестящей, отделанной сахарной глазурью галерее сидели шесть обезьянок в красных камзольчиках и наигрывали нежную и тягучую, как сливочная тянучка, мелодию.

Мари и Щелкунчик вошли в ворота. Перед ними раскинулась чудесная благоухающая роща. Искрилась темная листва. Поблескивали серебряные и золотые плоды. Стволы и ветви были оплетены цветными шелковыми лентами и золотящейся мишурой. Потрескивали и плясали в темно-зеленой гущине веселые оранжевые огоньки.

– Мы в Рождественской роще, – тихо сказал Щелкунчик и ударил в ладоши.

В то же мгновение явились сверкающие сахарными блестками пастухи и пастушки, трубачи и охотники, гусары и дамы. И начался танец, легкий, как взмах бабочкиных крыльев, и стремительный, как стрекозиный полет. Но танцоры кружили и кружили, повторяли одни и те же па, словно заведенные. А Мари уже стремилась дальше, в глубь чудесной кукольной страны.

Вот послышалось тихое журчание и шипение волн. Ах, это прозрачный зеленоватый лимонадный поток несется между будто бы облитых шоколадом гладких камней! На берегу этого шипучего лимонадного ручья раскинулась Пряничная деревушка. Дома, церковь и даже амбары были крыты золочеными крышами, а коричневые стены расписаны чудными цукатными узорами.

Щелкунчик повел Мари через просторные поля и извилистые речки к толстым розовым, как пастила, стенам небольшого городка. Мари увидела, как с веселым гомоном суетятся у доверху груженных возов крохотные человечки в ярких, будто бы леденцовых, кафтанах. Они разгружали толстые шоколадные плитки и горы конфет в шуршащих обертках. И Щелкунчик тут же объяснил, что это жители города Конфеттена получили дар от короля из соседней Шоколадной страны.

– Ах, как здесь прекрасно, милый господин Дроссельмейер! – воскликнула Мари.

Щелкунчик отвесил благодарный поклон и заторопился дальше. И вот они на берегу Розового озера. Оно окружено благоухающими кустами роз, и оттого вода кажется тоже нежно-розового цвета. Серебристо-белые лебеди скользят по зеркальной глади. Хрустальные рыбки искрятся в прозрачной воде. И в серебряных звуках струй Мари послышались вдруг звуки песенки:

Рукавом прозрачным вея,
Над водой порхает фея.
Фея ветра. Фея вод.

Рыб жемчужных хоровод.
Волн воланы. Веер брызг.
Медом пахнет тамариск.

Мари вгляделась в чистое зеркало воды и увидела круглое, разрумянившееся, будто сотканное из розовых лепестков девичье личико.

– Смотрите, милый Щелкунчик, дорогой господин Дроссельмейер! – радостно вскричала она. – Там принцесса Пирлипат! Она улыбается вам!

Но Щелкунчик покачал головой:

– Это не принцесса Пирлипат. Вы сами, ваше личико улыбается, отраженное в волнах Розового озера.

Мари сконфузилась и отвернулась. А навстречу им вышел вдруг расфуфыренный парчовый человечек, поклонился Щелкунчику и молвил:

– Добро пожаловать, любезный принц, в столицу вашего королевства прекрасный Марципанштадт!

«Принц!» – ахнула про себя Мари. Но еще больше поразилась она, когда очутилась перед грандиозным замком. Он был похож на восхитительный торт с множеством воздушных, как бы сделанных из сбитых сливок башен с большим куполом главного зала, усеянным тысячами крохотных золотых и серебряных блесток, с тяжелыми, разлинованными на квадратные шоколадные дольки воротами и перекидным вафельным мостиком, под которым вдоль глубокого рва струились прохладные апельсиновые воды.

И тут Мари заметила, что в кровле одной из башен зияет безобразная дыра. Ее быстро заделывали рифлеными вафельными листами крошечные человечки, забравшиеся на помост из пластинок корицы.

– Да, – покачал головой Щелкунчик, – недавно здесь появился известный в округе Сладкоежка и откусил часть Бисквитной башни. Но ничего, скоро ее починят.

Тут распахнулись ворота, и Мари следом за молодым принцем Дроссельмейером ступила во двор замка. Они очутились на площади, посреди которой возвышался многослойный и многоэтажный пирог-фонтан. По кругу стояли на хвостах марципановые дельфины с блестящими изюмными глазками. Из открытых дельфиньих ртов с шипением били разноцветные лимонадные струи. Оранжевая апельсиновая. Желтая грушевая. Алая гранатная. Прозрачная яблочная. Смешиваясь, кипели шипучие струи в обложенном валиками сбитых сливок бассейне. А вокруг плясали, пели и смеялись толпы крохотных мальчиков и девочек. Их веселый гомон заглушал даже шум шипучих фонтанных струй.

Вдруг из-под стрельчатой сахарной арки навстречу им бросились… куклы Трудхен и Клерхен! Нет-нет, Мари обозналась. Эти дамы в роскошных платьях, конечно же, прирожденные принцессы! Они устремились к Щелкунчику и нежно защебетали:

– О дорогой наш братец! Ах, милый принц!

А Щелкунчик взял за руку Мари и вывел ее вперед.

– Это несравненная мадемуазель Мари, – торжественно объявил он. – Моя спасительница. Не кинь она туфлю в самый разгар битвы, не добудь она мне вовремя саблю старого кирасира, загрыз бы меня мерзкий мышиный король.

Принцессы тут же кинулись к Мари и стали ее обнимать и целовать. Мари зарделась, а принц Щелкунчик воскликнул:

– Взгляните, как она прекрасна! Ну разве может сравниться с несравненной мадемуазель Мари по красоте, доброте и преданности Пирлипат, пусть она и настоящая принцесса!

И снова принялись обнимать Мари царственные сестры Щелкунчика.

– Ах, благородная спасительница! О, несравненная, бесценная, бесподобная наша подружка Мари!

Они пригласили желанную гостью во дворец и немедленно принялись готовить угощение. Появились золотые кастрюльки и мисочки тончайшего китайского фарфора, серебряные терки и медные ступки, ножи, вилки, ложки. Воздух наполнился ароматами пряностей. Всхлипнули в крошечных давильнях диковинные плоды, прыская струйками сладких соков. Захрустел в ступках миндаль.

Мари тоже с удовольствием включилась в веселую кухонную суету. Она старательно крошила тяжелым пестиком скользкие карамельки. А Щелкунчик тем временем рассказывал о трудной и долгой битве с мышами, о храбрости солдатиков, о стойкости и преданности Мари, которая даже готова была пожертвовать своими сахарными подданными.

Мари слушала и слушала. Удары пестика, журчание фруктового сока, шелест шелковых платьев принцесс, слова Щелкунчика постепенно сливались в чудную мелодию. Над плитой поднимались облака ароматного пара, и они серебряным туманом клубились перед глазами Мари, застилая и заслоняя начищенную до блеска кухонную утварь, горы диковинных плодов да и самого Щелкунчика.

Голова Мари закружилась, словно ее несло куда-то ввысь, все выше и выше, выше и выше…

– О-ох! – Мари упала с невероятной высоты и… и проснулась в своей кровати.

В окна било солнце. Рядом стояла мама.

– Заспалась, голубушка, – мягко пожурила она. – Завтрак давно на столе.

Мари широко раскрыла глаза и с удивлением огляделась. Да, она действительно дома, в своей спальне. Наверное, там, в замке прекрасного принца Щелкунчика, она крепко уснула, убаюканная звуками его мелодичного голоса, и верные пажи принца осторожно перенесли ее в собственный дом, уложили в постель и, никого не разбудив, вернулись в свой несравненный Марципан-штадт.

Конечно же, так и было! И Мари принялась рассказывать маме про лимонадный фонтан, Марципановый замок, Розовое озеро, населенное феями, и Рождественскую рощу. Мама слушала, улыбалась и покачивала головой.

– Тебе, Мари, приснился чудный сон, – сказала она.

Но Мари прижала руки к груди и воскликнула:

– Мамочка! Какой же это сон, если меня привел туда молодой принц Дроссельмейер, мой несравненный Щелкунчик?

Тут уж мама рассмеялась. Засмеялся и вошедший в спальню отец. Грубо захохотал вбежавший следом Фриц.

До слез было обидно Мари. Она вскочила с постели, бросилась в гостиную и раскрыла стеклянные дверцы шкафа. Там на средней полке стояла маленькая сафьяновая коробочка. Мари схватила ее, раскрыла и вынула горсть крохотных золотых корон. Все, что осталось от семиголового мышиного короля.

Все домашние склонились над удивительными, тончайшей работы коронами. Казалось, их выковали не руки человеческие, а ловкие лапки малюсеньких существ. Всплеснула руками мама. Покачал головой отец. Молча свел брови Фриц. Теперь уже никто не смеялся. Вдруг растворилась дверь, и в комнату вошел крестный Дроссельмейер. Он был по-прежнему в своем кургузом нелепом камзоле и пудреном парике.

– Что случилось? – спросил крестный и тут увидел на ладони Мари крошечные коронки. – А, узнаю! – улыбнулся старый Дроссельмейер. – Эти коронки я носил на серебряной часовой цепочке вместо брелоков и подарил своей крестнице Мари, когда ей исполнилось ровно два года.

– Ну вот, – обрадовалась мама, – все и разъяснилось. Но я не могу припомнить вашего подарка, господин Дроссельмейер. Впрочем, это неважно.

Но для Мари это было очень важно! Теперь ведь ей никто не поверит, хотя она никогда не сможет забыть чудесного путешествия в сладостную и сказочную страну принца Щелкунчика, юного Дроссельмейера, племянника ее крестного. И почему он все скрывает? Зачем же тогда поведал им с Фрицем правдивую историю о крепком орехе Кракатук?

С того дня Мари, боясь насмешек, уже никому не рассказывала о своем принце Щелкунчике. Вечерами она садилась на маленькую скамеечку у стеклянного шкафа, и к ней тут же возвращались звуки песенки о фее, порхающей над Розовым озером, терпкий аромат хвойных лап в Рождественской роще, шелест лимонадных струй фонтана в Марципановом замке, веселый гомон человечков в городке Конфеттен. Часто Мари пыталась заговорить с Щелкунчиком. Но тот упорно молчал. Наверное, обиделся на всех домашних, которые не верили ни в его доблестную победу над мышиным королем, ни в кукольное королевство, сказочнее которого и не бывает. Обиженно молчали и его сестры, принцессы Трудхен и Клерхен, притворяясь бессловесными куклами. Горько вздыхала Мари, но все же не теряла надежды, что заколдованный уродец Щелкунчик превратится когда-нибудь снова в прекрасного юного принца Дроссельмейера. Уж она-то ни за что не прогонит его, как это сделала надменная Пирлипат!

– О милый господин Дроссельмейер! – тихонько вздыхала Мари. – Как бы я хотела снова оказаться рядом с вами в чудесном замке!

Она задумалась, забылась и не сразу заметила вошедшего в комнату крестного Дроссельмейера. Рядом с ним стоял ладный молодой человек в великолепном, шитом золотом алом кафтанчике и белых шелковых чулках. Волосы его были завиты и напудрены, а на спину свисала крепко заплетенная косица. В петлице кафтанчика благоухал крохотный букетик фиалок.

– Познакомьтесь, – сказал крестный Дроссельмейер, – это мой племянник.

Юноша вынул из петлицы букетик и с поклоном преподнес его Мари. Кроме того, он подарил ей множество маленьких сахарных куколок взамен тех, что сгрыз мерзкий мышиный король. Мари зарделась.

Фрицу любезный молодой человек вручил посеребренную саблю в кожаных ножнах.

Мама пригласила всех за стол. И тут юный племянник всех поразил, с легкостью разгрызая самые твердые орехи. Он щелкал их один за другим, и скоро на столе высилась горка сочных ядрышек. А юноша положил на зуб очередной орех, напрягся, дернул себя за косицу и – крак! – скорлупа треснула. Он улыбнулся, показывая ровный ряд жемчужных зубов, и протянул ядрышко Мари. Теперь она и вовсе смутилась и стала совсем пунцовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.